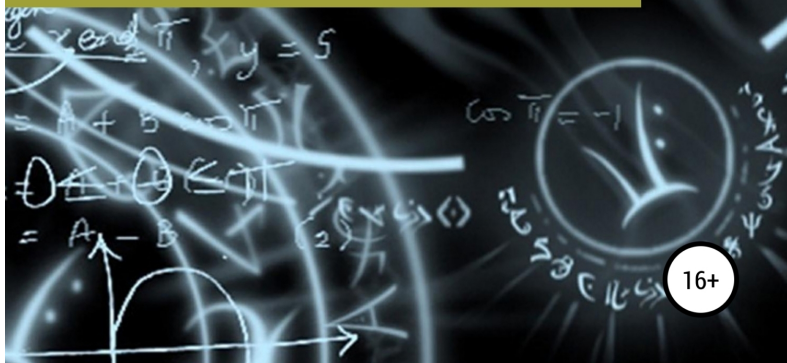

...and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Люсьен Эгген

Шелест корней

рассказ для конкурса хорроров

16+

Люсьен Эгген

Шелест корней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68057969

SelfPub; 2022

Аннотация

История о том, как обесценивание чужих жизней может в итоге обесценить и свою собственную. Не без помощи тёмных и таинственных сил, конечно же.

Люсьен Эгген

Шелест корней

Не знаю, с чего начать. Да и как вообще можно начинать то, что даже для меня кажется бредом сумасшедшего.

Всё это началось со случайного убийства котёнка, а закончилось тем.... А впрочем, чем именно, вы скоро узнаете. Несчастный случай с питомцем в итоге превратил меня в того, кому бы я сам желал только смерти.

Даже не верится, что с того дня прошло так мало времени. Всего несколько месяцев назад я жил простой, хорошей жизнью. У меня была хорошая работа в единственном в городе крематории. Он открылся всего несколько месяцев назад, но загрузка была полная, тела свозили со всей области. Работа была не особо высокооплачиваемая, но я легко с ней справлялся. Не сказать, что я сильно за неё цеплялся, но и лишаться её не хотел, с работой в городе всегда трудности.

В свободное время я играл в компьютерные игры, ходил купаться на реку и в кратковременные походы в лес. А ещё я взял себе с улицы маленького котёнка. Серого малыша с чёрными ушами и хвостом. Он был точно такой же расцветки, как мой первый кот, поэтому и назван был в честь него, Умка. Я сделал ему все нужные прививки, купил лоток и всевозможные игрушки. Но уже во второй день произошёл ужасный несчастный случай, о котором я даже сейчас могу вспо-

минать только с болью в сердце.

В тот день я закончил работу около полудня. День прошёл не очень хорошо, и я подошёл к дому в скверном расположении духа. Открыл входную дверь, зашёл в дом и с силой захлопнул её за собой. Вот только она не закрылась, как обычно. Вместо громкого щелчка я услышал где-то внизу хруст, словно раскололся большой орех.

Я чуть не закричал, потому, как сразу понял, что произошло. Именно в тот момент, когда я с силой захлопывал дверь, мой маленький пушистый друг решил выскочить на улицу, и был насмерть зажат дверью. Я стоял, смотрел на улицу, боясь опустить глаза. К сожалению, нельзя было вечно стоять, не опуская головы. Спустя пару минут я, сделав над собой усилие, взглянул на котёнка, лежащего у моих ног. Он был без головы, её в лепёшку раздавило дверью.

Потом всё было как во сне. Я взял безголовое тело и положил в новый мусорный пакет. Собрал тряпкой кровь. Купочки костей и шерсти смёл в совок и тщательно вымыл пол. Всего каких-то полчаса – и всё, будто он никогда и не жил в моём доме.

Я не хотел его просто выкидывать в мусорный контейнер, нужно было его похоронить. Желательно сделать это в красивом месте, а не за гаражами. И у меня как раз было такое место на примете. Несколько дней назад я ходил в лес за грибами, и в глубине набрёл на поляну удивительной красоты. Она была небольшая, но удивительно правильной круг-

лой формы. Поляна была окружена высокими берёзами, осинами и дубами. Деревья стояли почти через равное расстояние друг от друга, словно древени, собравшиеся на совет. Сквозь листву деревьев свет причудливыми узорами ложился на изумрудную траву. Вся трава была одной высоты, будто скошенная газонокосилкой. Прекрасное место, тихое, безлюдное и умиротворяющее. Идеальное место для похорон моего маленького друга я не мог придумать.

Нужно было закончить импровизированное погребение до наступления темноты. Я взял пакет с телом, из гаража взял лопату и пошёл в лес на ту самую поляну. На улице ярко светило солнце, пели птицы и дул прохладный ветерок, и, если бы не моя ноша, эта прогулка доставляла бы мне удовольствие.

Я никогда не вредил животным, не обижал их и уж тем более, никогда их не убивал. Мой первый кот, Умка, умер в преклонном для кошек возрасте, пятнадцати лет. Какая-то тварь, по-другому назвать того, кто это сделал, я не могу, пробила ему голову камнем. Умка пришёл весь в крови во двор, залез на подоконник окна в моей комнате и так посмотрел на меня, что у меня тут же ручьём полились слёзы. Я выбежал на улицу, хотел помочь своему любимцу, но он уже был мёртв. Можно, конечно, слёзы объяснить тем, что мне тогда было двенадцать лет, но и по сей день каждый раз, как я вспоминаю этот момент, мне становится не по себе.

Сейчас мне двадцать два и я живу в этом доме один. И

вот первая же попытка завести себе нового любимца закончилась пакетом из супермаркета в одной руке и лопатой в другой.

В тот день я хотел закопать его по всем правилам, в красивом месте, куда я смогу иногда приходить. По пути в голове была всего одна мысль – больше никогда не заводить домашних животных.

Не смотря на то, что я знал лишь приблизительное расположение той поляны, пришёл туда довольно быстро. Когда я пришёл на место, мне показалось, что поляна была рада меня видеть. Листья шелестели куда громче и звонче, чем в прошлый раз. Солнечные лучи, проникая сквозь кроны деревьев, зайчиками играли на траве, подобно огромному калейдоскопу.

Я выбрал место на краю поляны, под большой берёзой. Я заприметил её ещё издалека. Её кора была ослепительно белого цвета, настолько, что ствол дерева выглядел, словно обмотанный новой белой бумагой. В четыре удара лопатой я разметил небольшую будущую ямку. Она должна была стать последним пристанищем для моего пушистого друга. Я надавил на штык ногой, вытащил идеальной квадратной формы кусок дёрна и бросил его на краю ямки. Взял пакет за нижние уголки и начал аккуратно вытряхивать его, но моё внимание привлёк какой-то блеск на дне ямки.

На дне лежал небольшой кусочек металла, по блеску напоминавший золото. Я достал его, протёр и хорошенько рас-

смотрел. Это был небольшой, размером с ноготь мизинца, золотой самородок. Кусочек небольшой, но довольно тяжёлый для своего размера. Я ещё немного покопался в ямке, но не найдя ничего, закончил импровизированные похороны и отправился обратно домой.

По пути домой к мысли о том, чтобы никогда больше не заводить домашних питомцев, прибавилась ещё одна. Что этот самородок оказался в том месте и в то время неспроста. У меня было ощущение, будто я продал тело котёнка той поляне, стоящим по её краю деревьям, и их корням.

Я отнёс тот самородок в ближайшую ювелирную мастерскую, на которой красовалась вывеска «Скупка золота». Чтобы не задавали лишних вопросов, пришлось придумать легенду о том, что этот самородок давно хранился у моей, недавно покинувшей этот мир, любимой бабушки. За семь с половиной граммов я выручил около двадцати пяти тысяч рублей. Больше половины своей месячной зарплаты. Скупщик золота по имени Алик с заговорщицким видом сказал мне, что, конечно же, соболезнует мне в связи с кончиной моей бабушки, но если в её вещах я ещё найду такие самородки, он с удовольствием их у меня купит, не привлекая лишнего, ненужного внимания. Мы попрощались, и я отправился домой.

До самой ночи мои мысли двигались в двух направлениях, мне было одновременно и жалко своего питомца, и в то же время я был рад неожиданным, свалившимся на меня из

ниоткуда, деньгам. То ли от горя, то ли от радости, но уснул я тогда поздно, и этот сон стоит отдельного упоминания.

За ночь я просыпался несколько раз, но каждый раз, когда вновь засыпал, я открывал глаза на той самой поляне. Только эта была уже не совсем та поляна. Трава та, ветер и солнце те, но все краски многократно ярче и сочнее, чем в реальном мире. А вот деревья совершенно другие. Они так же располагались по границе поляны. Вот только они торчали из земли корнями вверх. Я подходил к каждому из деревьев, трогал их корни. Одни корни обвивались вокруг моих рук и тела, другие протягивали мне разного размера золотые самородки и разноцветные блестящие камни. Я мог поклясться, что они общались со мной, не голосом, а тихим, таинственным шелестом. Более того, я прекрасно понимал их загадочную речь. Они чередовали всего три слова, но делали это всё громче и громче, пока шелест не становился оглушительным и я не просыпался.

– Жизни, золото, камни. Жизни, золото, камни, – доносилось со всех сторон.

Иногда я начинал медленно поворачиваться кругом, пытаясь увидеть источник голосов, но, казалось, они исходили одновременно ниоткуда и отовсюду, они доносились справа, слева, сверху и снизу, и даже изнутри меня.

Утром я был на сто процентов уверен, что принеси я им какое-либо тело, я вновь откопаю золотой самородок или один из тех камней, которые я видел во сне. Называйте это

чувство как угодно, но с того момента для меня чужие жизни стали иметь конкретную цену. Можно сказать, что они для меня обесценились, потеряли всю свою ценность, исчезло всякое божественное начало.

На дворе воскресенье, на работу идти не надо и, позавтракав, я решил всё это проверить. Несмотря на всю бредовость случившегося со мной, я уже начинал возлагать некоторые надежды и строить планы. Всего два убитых кота в месяц – и я мог бросить свою работу и заниматься чем угодно. Ещё парочка котов – и я смогу купить новую видеокарту для компьютера. А если десять котов в месяц, то я смог бы себе позволить практически всё, о чём когда-либо мечтал. Я начинал измерять какие-то свои потребности в чужих жизнях. Скорее всего, именно в тот момент с меня стало постепенно осыпаться всё человеческое, обнажая то, кем я на самом деле являлся.

Выйдя на улицу, я стал думать, где мне раздобыть кота. Вернее, я стал выбирать, какого именно мне забрать. К счастью, хотя скорее, к сожалению, я жил в старой части города, а здесь кот, а то и несколько, жили почти в каждом дворе. Я стоял за своим забором и решал, какого кота мне забрать, какому жить, а какому нужно будет умереть.

Ко мне иногда приходил харчеваться соседский кот по кличке Вжик. Я подкармливал его, то сосиской, то обрезками мяса. Небольшой серый котик с обрубленным хвостом. Я почему-то решил, что смерть покалеченного кота станет

скорее благом, нежели трагедией.

Не успел я положить на крыльцо пару сосисок, как из-под соседского забора появился Вжик, схватил одну сосиску и, отбежав с ней в сторону, принялся за угощение. Я в это время зашёл в гараж позади него, взял лопату и вышел на улицу. Кот продолжал спокойно трапезничать. Я размахнулся и с огромной силой обрушил лопату ему на голову.

Первое время после убийства мне казалось, что в моей голове звучал тот самый шелест корней, но, скорее всего я просто слышал кровь, бегущую в моей голове быстрее обычного. Это уже не случайное убийство, не чудовищный несчастный случай, в котором трудно кого-то обвинять, а самое настоящее хладнокровное убийство ни в чём не повинного живого существа.

Я стоял там, словно парализованный, и смотрел на лужу крови, расплзающуюся под серым мехом. Вдруг я вспомнил себя в детстве, как я смотрел на окровавленного Умку, стоящего на моём подоконнике, как я плакал, и как долго после этого я мучился. Да что уж там врать, это «долго» длится до сих пор. А сейчас я поступил точно так же с соседскими детьми. Мне уже тогда не могло быть никакого прощения.

А не сумасшедший ли я? Не схожу ли я с ума, не привиделось ли мне всё, что случилось вчера? Я трясущимися руками бросил лопату и побежал в дом. Подлетел к вешалке и стал судорожно копаться в карманах своих рубашек. Я не помнил, в какой именно я вчера был, но в какой-то из них

должны были быть деньги. И да, я их нашёл. Почти двадцать пять тысяч. Не уверен, что эта находка принесла мне облегчение, ведь это означало, что я не сумасшедший, а столкнулся с чем-то сверхъестественным и поистине страшным. Я попал под влияние чего-то, что требовало кровавых жертв. Жаль, я этого не понимал тогда.

Я схватил мусорный пакет, свой походный рюкзак и выбежал наружу. Запихнул окоченевшего кота в пакет, пакет в рюкзак, взял из гаража лопату и пошёл на поляну. Я шёл и думал о том, что частью денег, вырученных за самородки, я смогу искупить свою вину. Сделать пожертвование в местный приют для животных, или просто дать денег детям, которых лишил любимца. Я обязательно что-нибудь придумал бы, лишь бы только мне опять дали самородок.

Я тогда скорее бежал, чем шёл, хотелось скорее узнать, чем всё закончится. Добрался до места довольно быстро. Первой моей мыслью было закопать Вжика рядом с тем же местом, где до этого похоронил своего котёнка. Но с этим сразу возникли проблемы. Я не нашёл ни единого следа от лопаты, ни кусочка земли на траве, ни даже следов от моей обуви. Поляна выглядела так, словно на ней никогда меня и не было. Я помнил, у какого дерева копал в прошлый раз, у ослепительно белой берёзы. Второго кота я хотел похоронить у соседнего дерева. Я начал копать и, вытащив на поверхность очередную горсть земли, вновь увидел на дне небольшой, но чертовски яркий золотой самородок.

Спустя час я опять стоял в лавочке скупщика золота, он с удивлением смотрел на меня сквозь стекло, крутя в руках самородок.

– Потрясающим человеком была твоя бабушка. Уверен, если поискать ещё, ты сможешь найти их в большем количестве, или большего размера. Чем больше будет золота, тем счастливее мы оба будем. Если ты волнуешься о том, что у меня не хватит денег, то ты ошибаешься. Я прямо сейчас могу купить у тебя килограмм самородков.

Он показал на сейф, стоящий позади него.

Слова о килограмме золота подействовали на меня словно холодный душ.

Я рассмеялся.

– Был бы у меня килограмм золота, я бы не ходил сюда пешком за несколько километров. Но, может, ещё что-нибудь найти смогу. У неё в доме столько разных коробок. Никогда не знаешь, что найдёшь в очередной.

– Первый раз вижу два разных по форме самородка, которые весят абсолютно одинаково, до тысячных долей грамма. Может, она у тебя была коллекционером самородков? Как бы там ни было, неси всё, что найдёшь ко мне. Буду ждать тебя с нетерпением.

Он дал мне такую же сумму, что и в прошлый раз. Мы пожали руки, попрощались, и я пошёл домой. Брать такси я не хотел, мне нужно было прочистить мозги свежим воздухом. Переходя мост, я около часа простоял на середине, просто

смотря на воду. У меня не было никаких сил даже думать, я просто стоял и смотрел на солнечные блики, отражающиеся от мелкой ряби. Этот час на мосту я не жил, а просто существовал. Задавался вопросом, стоит ли продолжать, и к чему я в итоге приду.

Следующие три дня, до четверга, я провёл без приключений. Ходил на работу в крематорий, где целыми днями закатывал в печь гробы с мертвецами. В среду мне пришлось остаться после работы, начальник попросил поработать сверхурочно. От меня требовалось переработать в пепел пять тел, собрать пепел и разложить по урнам. Тогда-то мне и пришла в голову мысль. А что если принести на поляну тело человека? Зависит ли размер награды от размера закопанного тела?

Я как раз во вторник купил себе подержанную тачку, за восемьдесят тысяч старый дэо нэксиа, и мог привезти тело к лесу, а оттуда на тележке до поляны. Но сделать это можно только после захода солнца, иначе шанс попасться был бы просто огромный. Рано утром тоже нельзя, можно наткнуться на грибников или рыбаков, которые встают ни свет ни заря. Действовать нужно было только ночью, при свете луны, или, если повезёт и небо затянет тучами, вовсе без света.

План был чертовски прост. На рынке, в мясной лавке купил тридцать килограмм костей, сказав, что это для собак. Хотя продавцу на самом деле было наплевать, для чего я их покупаю. Сложил кости в две сумки и привёз их на следую-

щий день на работу. Я точно знал, что меня снова попросят остаться на несколько часов. Для этого я специально работал медленнее обычного и даже немного мешал своему напарнику. В конце рабочего дня, около девяти, ко мне подошёл начальник и попросил остаться, отработать пять тел. Конечно же, я согласился.

С мертвецами мне в ту ночь, можно сказать, повезло. Там были две старушки, один мужчина лет пятидесяти, совсем молодой парень и толстый мужик. По виду он весил около ста двадцати кило, и я сразу выбрал его. Чем тяжелее, тем больше должна была быть награда. Я так думал. За kota весом около четырёх килограммов мне давали около семи с половиной грамм золота. Небольшие расчёты и я получил вес самородка более двухсот пятидесяти грамм. Вместо тела я сжёг две сумки с костями, предварительно срезав с них все металлические детали, молнию и крепления ручек. Довёз тело на каталке до машины и не без труда свалил на заднее сидение.

По дороге к лесу я пытался развеселить себя мыслью о том, что если я попаду в смертельное ДТП, то полиция сильно удивится, узнав, что пассажир на заднем сидении заранее себя забальзамировал.

Приехал к лесу я сильно за полночь, около двух часов. Вытащил из багажника строительную тачку и лопату. Погрузил на неё толстяка и поехал напрямиком в лес. Путь до поляны у меня занял более пяти часов. Толкать груз в сто двадцать

килограмм на одноколёсной тачке через вездесущие корни и покрытые мягким мхом участки земли, оказалось адским делом. Солнце уже показалось из-за горизонта, когда я свалил жирного на землю прямо в центре поляны.

Ах да, я упустил небольшую деталь, но она может показаться крайне интересной. У меня с собой был фонарик, но он мне понадобился только в первые минуты. Затем я услышал необычайно громкий шелест, откуда-то из глубины леса. Я продолжал идти на этот шелест, выключив фонарик. Мне вполне хватало лунного света, проникающего сквозь кроны деревьев.

Я решил закопать здоровяка прямо в центре поляны, чем я сразу же и занялся. Пришлось копать полноценную могилу. Но земля была настолько мягкой, что особого труда это не составило. К тому же, в земле не было ни корней, ни камней. На глубине около метра моя лопата на что-то наткнулась. Это что-то было совсем небольшим, и я испытал некое разочарование. Порывшись руками в земле, я достал небольшой невзрачный камушек. Он был весь в грязи, но наверняка именно он и был наградой за мои труды праведные. Я положил его в нагрудный карман и доделал начатое.

Вернувшись домой около девяти утра, я сразу побежал в ванную. Умылся и залез под душ, взяв с собой тот самый камень. Он был чертовски грязным, так что почистив зубы я решил почистить и его. Через несколько минут я держал в руках прозрачный камень насыщенного синего цвета. Я по-

смотрел сквозь него на свет и не увидел никаких трещин. Он был словно кусок стекла. Тогда я задался вопросом, а не кусок ли это стекла на самом деле. Вдруг для совершения обмена мне нужно лично убивать каждую жертву?

После душа мои мысли были заняты лишь одним желанием, хорошо выспаться, но полностью терять выходной день я не хотел. Я завёл будильник на три часа и, не успев коснуться подушки, мгновенно отключился. С тех пор мне не снились никакие сны, лишь шелест в крошечной, обволакивающей тьме.

Камень я решил принести к тому же скупщику золота. Он встретил меня улыбкой и, не успев я к нему подойти, стал выкладывать на стол перед собой пачки пятидесяти тысяч купюр.

– Я подготовился к твоему прибытию во всех смыслах, дорогой брат, – сказал он, обводя широким жестом лежащие перед ним деньги.

Мы пожали руки.

– Самородков я пока не нашёл, но не стоит отчаиваться, возможно, я ещё не дошёл до нужных коробок. Я принёс вот этот камень. Без понятия, что это за камень, но выглядит дорого-богато.

Я достал из внутреннего кармана замотанный в туалетную бумагу камень и протянул его ему. Он, не разворачивая, закрыв глаза, взвесил его на руке. Затем развернул и положил на кусочек поролона. Достал из ящика стола обшарпанную

лупу и стал его рассматривать со всех сторон, и потом посмотрел сквозь камень на яркую настольную лампу. Достал смартфон, сфотографировал его и стал с кем-то переписываться.

– Иметь дело с неограниченными драгоценными камнями простым смертным вроде нас довольно опасно. Подсудное это дело, знаешь ли. Это сапфир, высокого качества. Есть там пара трещин и пузырьков неприятных, но в целом это великолепный камень.

Я утром не видел в нём никаких трещин или пузырьков, но человеку с огромной лупой было виднее. Даже если он меня обманывал, мне сильно хотелось узнать стоимость камня, и я лишь соорудил разочарованное лицо в ответ на его слова.

Он достал небольшие электронные ювелирные весы и положил камень на них.

– Двенадцать карат в неограниченном виде. После огранки будет плюс-минус семь. Я могу...

Его слова прервал звук пришедшего на смартфон сообщение. Он быстро взглянул на него и продолжил.

– Даже не я. Один мой друг ювелир может предложить тебе три тысячи за огранённый карат.

Сказать, что я расстроился, это ничего не сказать. Получилось всего двадцать одна тысяча рублей. Это меньше, чем я получил за кота. Но мои мысли были прерваны его вопросом.

– Сколько сейчас доллар стоит, брат? Пятьдесят вроде? По пятьдесят устроит?

И тут до меня дошло, что этот камень будет стоить двадцать одну тысячу долларов, а не наших родных рублей. А я уже был готов забрать такую же сумму в рублях и пойти домой.

– Да, устроит, – коротко ответил я.

Он отсчитал мне довольно весомую пачку денег.

– Ты это, камни лучше не носи. Можно привлечь к нашему сотрудничеству лишнее внимание и проблемы будут не только у тебя, но и у меня. А у меня дети, сам понимаешь. Можешь попробовать отнести их в геммологическую лабораторию в Москве. Но и там нельзя гарантировать отсутствие лишних глаз или ушей.

Я поблагодарил его за предупреждение, мы попрощались, и я направился домой. Моему счастью не было предела. Никого не убивая, я умудрился разменять мёртвого жирдяя на чертовски дорогой камень.

Следующий месяц я жил как обычно. Ходил на работу, ходил купаться на реку, играл на компьютере, смотрел сериалы. Была всего одна деталь, отличавшая моё текущее времяпровождение от обычного. Я тратил деньги. Много денег. За месяц я умудрился потратить весь миллион. Новый компьютер, огромный телевизор взамен моего старого крошечного и несколько комплектов модных шмоток. Купил в кредит новую тачку стоимостью более миллиона, внося первый

взнос по кредиту в размере пятиста тысяч.

Со стороны можно было подумать, что жизнь налаживалась, но на самом деле она уже наполовину развалилась. И сделала это безвозвратно. К середине августа деньги закончились, и вот тогда я стал жить как раньше. Но меня это уже не устраивало. После оплаты ЖКХ на еду и всё остальное у меня оставалось чуть больше тридцати тысяч. Это чуть больше, чем жизнь одного кота. Тогда я себя успокаивал, что если бы об этой поляне знали все жители города, то всего за пару дней в живых не осталось бы ни одного животного. Люди бы выстраивались в многотысячные очереди, чтобы обменять на золото Рекса или Мурзика. Даже канарейку тёщи и любимого хомячка дочери.

К этому моменту я научился действительно быстро затыкать рот своей совестью. Но вот чтобы заткнуть свой банковский счёт у меня был всего один способ. Убивать я никого не хотел, так что решил вновь проверить трюк с телом. Что и сделал в тот же вечер. Опять купил говяжьих костей и сжёг их вместо огромного мужика весом под двести кило. Это было непросто, но я проделал всё, как в прошлый раз. На дне ямы я обнаружил камень красного цвета, размером уже с пятирублёвую монету.

Тогда мне нужно было его закопать вместе с телом. Но, увы, на следующий день я опять приволок его к скупщику. Он осмотрел камень, взвесил его и сразу же дал мне номер телефона своего знакомого ювелира.

– Прости, брат, с такими вещами я связываться не могу. Моему инстинкту самосохранения есть предел. И этот предел я сейчас держу в руках.

Он последний раз взглянул на камень, замотал его в тряпку, в которой я его принёс, и протянул его мне.

– Удачи с этим, брат.

Мы попрощались и, выйдя на улицу, я набрал телефон ювелира. Разговор был довольно короткий. Он попросил сфотографировать камень, затем сказал, что ему нужно увидеть его вживую. Мы договорились встретиться через час в одном из городских кафе. Мне уже тогда нужно было настрожиться. Человек находился в Москве, но с уверенностью в голосе договорился встретиться в Конаково через час.

Я вернулся обратно к скупщику и поделился с ним состоявшимся разговором. Он лишь сказал, что это очень серьёзный и влиятельный человек, и что у него целый парк самолётов и вертолётов. Что тот, с кем я увижусь, занимается поиском камней для миллиардеров, глав преступных организаций и ещё чёрт знает кого. Потом попросил не упоминать его самого в разговоре с ювелиром. Сказал, что у него какие-то срочные дела дома и стал закрывать свою лавочку.

Через час, судя по реакции скупщика, меня могло ждать как огромное богатство, так и огромные проблемы.

Скоротать час я решил в той же кафешке, в которой мы договорились встретиться. Целый час я заливал кофе и заедал чизкейком мысли о том, чтобы всё отменить. Позвонить

и сказать, что камень у меня украли по пути в кафе, или ещё что придумать. Но чтобы я ни придумывал, всё выглядело как отмазы прогулявшего уроки школьника.

Всего минут через сорок меня привлёк звук двигателя приближающегося вертолётa. Он становился всё громче и громче. Скоро я увидел, как прохожие таращатся на небо и разбегаются в разные стороны. Вскоре показался и вертолёт. Небольшой вертолёт чёрного цвета уселся прямо на автостоянку перед кафе.

Из вертолётa вышел мужчина в строгом костюме, быстро оббежал вертолёт, выдвинул лестницу и открыл дверь. Вышедший из вертушки человек резко контрастировал со своими охранниками. Старый спортивный костюм, кеды, синяя бейсболка и небольшой чемоданчик в правой руке. Человек был небольшого роста, с небольшим пузом. И, если бы не его глаза, можно было принять его за доброго учителя физкультуры. Но его взгляд резал меня своей силой, будто ножом. Это был взгляд человека, не привыкшего к отказам или иным препятствиям.

– Рад увидеться с вами лично, Андрей. Можете называть меня Илья, или просто Ювелир, – сказал он, протягивая мне руку.

Я не сильно удивился тому, что он знал моё имя. Хотя я даже скупщику его не называл.

– Взаимно, – ответил я, пожимая руку.

С ним прилетели ещё три человека, двое остались у входа,

а один стоял позади него, держа в руках спортивную сумку.

– Тот сапфир очень понравился мне и моим друзьям. Крайне редкая вещица. Не буду задавать вопросы о том, где вы его взяли. Камни такого качества встречаются один на миллион. Если рубин, который сейчас находится у вас во внутреннем кармане, хоть наполовину такого же качества, то уверяю вас, мы быстро найдём общий язык.

Я достал камень и положил на стол.

– Да никаких секретов, нашёл их у бабушки в коробках. Она много путешествовала по стране, и бог знает, где могла их найти.

Он взял камень, достал из чемоданчика всякие приспособления и стал пристально его изучать. Просвечивать разными фонариками, взвешивать на весах и рассматривать в микроскоп. Через несколько минут он так громко рассмеялся, что я даже вздрогнул от неожиданности.

– Парень, сорок лет я имею дело с драгоценными камнями. Поверь мне, я видел камни, которые покупали за сотни миллионов долларов. Но такого качества не видел никогда. Он на сто процентов натуральный, но чистый, словно он синтетический. С уверенностью могу заявить, рубин идеальный. После огранки это будет идеальный рубин цвета драконьей крови в двадцать карат.

Он собрал все свои приспособления в чемоданчик и с громким щелчком закрыл его. Камень положил в какую-то коробочку и положил в карман спортивной куртки.

– Короче, сколько ты хочешь за этот камень? – он слегка постучал по своей куртке, под которой был камень.

Я что-то проямлил о том, что не разбираюсь в камнях и ценах на них.

– Никит, – сказал он громко, – отдай ему сумку и свой бумажник.

Человек, стоящий позади него, не задавая вопросов, положил у моих ног сумку, достал из заднего кармана брюк толстый бумажник и положил его на стол передо мной.

– Эти деньги с лихвой покроют любые ваши траты в течение всей вашей жизни, какой бы длинной она ни была.

Он как-то странно произнёс слово «длинной», тогда я не на шутку перепугался.

Он протянул мне руку, и я пожал её. Напоследок он мне тихо сказал, не отпуская моей руки.

– Даже если ты гений, и научился создавать синтетические камни такого качества, я никому не скажу. Если это так, ты мне сейчас об этом скажи, и мы вместе станем богаче на пару миллиардов не рублей.

Я понятия не имел, что такое синтетические драгоценные камни, но, разумеется, ответил, что я далеко не гений и создавать камни не умею. Он улыбнулся, отпустил руку и через минуту я допивал свой кофе под звук удаляющегося вертолётa.

Видели бы вы, как на меня смотрели работники кафе. Как на человека, на встречу с которым прилетают на вертолётe.

Я тогда ощущал себя какой-то суперзвездой.

Заглядывать в сумку, находясь в кафе, я не стал. Открыл её только тогда, когда оказался в родных стенах. Внутри неё было сто двадцать пачек по сто тысяч рублей. Двенадцать чёртовых миллионов рублей. Моя зарплата, приблизительно за двадцать пять лет! Для меня это была просто гигантская сумма, как, я уверен, и для подавляющего большинства населения страны. Можно было на этом уже ставить жирную точку в моём рассказе, так сказать, закончить на позитивной ноте. Но до основных проблем оставалась всего пара недель.

За следующие пару месяцев ничего особенного не произошло. Кроме, разве что, увольнения меня и моего напарника по работе в крематории. Родственники того двухсоткилограммового толстяка посчитали, что пепла слишком мало, и, к тому же, обнаружили части молнии и фурнитуру от спортивных сумок. Я прокололся уже на втором воровстве трупа. Хорошо хоть не стали привлекать к делу полицию. После этого я решил на некоторое время залечь на дно, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Двести пятьдесят тысяч я анонимно отдал в местные приюты для животных, в попытке искупить свою вину за убийства.

С каждой ночью шелест всё больше сводил меня с ума. Он требовал и требовал от меня ещё жертв, давил на меня со всех сторон, словно голодный хищник. Постепенно это неутолимое чувство голода становилось частью меня. К тому моменту я уже понимал, что золото я могу получить, только

если своими руками отниму жизнь и принесу тело.

Через пару месяцев, когда вся листва с деревьев уже давно слетела, я решил на самом деле поставить точку. Голод до чужой жизни не давал жить мне самому. Я был вечно раздражён и никакие дорогие покупки не могли поднять мне настроение. Я точно знал, что сможет снять с меня этот груз. Только убийство.

Я решил убить какую-нибудь большую собаку и отнести её на поляну. Я уже не хотел никакого золота, мне нужно было лишь спокойствие, хотя бы даже и временное.

План я придумал максимально простой. Заказал в интернете спортивный лук с максимальной доступной силой натяжения, со стрелами, и как только он пришёл, я решил действовать. В бору недалеко от помоек всегда бегали несколько собак, были среди них и довольно большие. Вечером я взял тележку с лопатой и отправился на импровизированную охоту. Солнце уже собиралось садиться, и времени на убийство у меня было не так много. Недалеко от первой же помойки меня ждал успех, огромный пёс терзал мусорный пакет, не обращая на меня никакого внимания. Я достал лук, вставил стрелу, натянул тетиву и хорошо прицелился.

– Что это ты делаешь? Что тебе Джек сделал? Это мой пёс.

Поначалу я даже не увидел, от кого исходит голос. Голос точно принадлежал какому-то сильно пьяному человеку преклонного возраста. Присмотревшись, я увидел голову, торчащую из мусорного контейнера. Это был старик лет вось-

мидесяти с лицом, состоящим из одних морщин и синяков. Он попытался перелезть через борта контейнера, но перевалялся через него и с грохотом и отборным матом свалился на землю.

– Бутылку уронил. Помоги найти, – взмолился он.

Но помогать я ему не собирался. Я я посчитал, что его жалкая жизнь ему больше не нужна. Зачем она ему? Он представлялся мне неким вредителем, паразитом, исчезновение которого принесёт в мир лишь тишину, спокойствие и порядок. Недолго думая, я натянул лук и выстрелил собаке в ухо, чтобы она не помешала мне расправиться со стариком. Она упала замертво. Старик не обратил на это никакого внимания, он был поглощён своими поисками. Он, матерясь, раскидывал в сторону строительный мусор, какие-то части мебели и спиленные ветки, которые кто-то свалил в кучу около мусорного контейнера. Всем этим добром мусорный контейнер был окружён со всех сторон.

Я ещё немного посмотрел на его тщетные попытки, затем поставил ногу на голову собаки и рывком вытащил стрелу. Вставил её в лук, прицелился в голову старика и отпустил тетиву. Стрела попала ему в шею, пробив её насквозь. Кровь хлестала из шеи, словно вода из пробитого шланга. Старик несколько секунд что-то хрипел, показывая рукой то на меня, то на своего пса. Затем упал и замер без движения. Даже в том положении я мог найти оправдание своему поступку. На мой взгляд, если убить и обменять на золото всех алка-

шей, наркоманов и преступников, то все нормальные, как я, люди смогут жить в достатке.

Быстро погрузив в тележку бездомного алкаша и его пса, я повёз их на поляну. Всего через каких-то десять метров пути я был уже в лесу, в стороне от каких-либо дорог и тропинок. Они двое весили раза в три меньше, чем последний здоровяк, которого я туда привёз. По пути меня не мучили никакие угрызения совести. У меня было чувство, словно её уже и нет вовсе. Я толкал тележку, будто вёз не только что убитых мною человека с собакой, а металлолом. Я не видел ни крови, ни пустых, смотрящих в темноту глаз. Я видел лишь золотые самородки, которые за них получу.

И да, в итоге самородки я получил. За собаку небольшой, а за человека самородок был длиной с мизинец, шириной в два пальца, и весил он немало. В общем, чистый металл за грязного человека. Наконец он смог стать полезным для кого-то. Хотя и не без моей помощи.

Разве я убийца? Нет, я просто помогаю отбросам стать полезными для других.

Когда последний кусок дёрна был помещён на место, и я собрался уходить, из глубины леса раздались громкие крики. Кто-то чередовал просьбы себя отпустить с потоками отборной ругани. Человек был всего в паре десятков метров от меня, в том направлении, откуда я пришёл. Я схватил лопату и побежал в его сторону. Подумал, что если сейчас спасу хорошего, полезного человека, то легко искуплю этим убий-

ство бесполезного.

На полпути я увидел вспышки и услышал громкие хлопки от пистолетных выстрелов. Во вспышках я смог разглядеть человека одетого в охотничий костюм. Одной рукой он стрелял в землю, а в другой держал большой нож и рубил им какие-то корни, которые бесконечно появлялись из земли, обвивая его ноги и тело. После очередного выстрела пистолет стал издавать лишь тихие щелчки. Он выбросил его и стал свободной рукой рвать корни. Когда я к нему подбежал, его испуганный, безумный взгляд остановился на мне.

Я замахнулся лопатой, намереваясь начать рубить корни.

– Парень, помоги мне выбраться, – взмолился он, не переставая рубить и рвать на себе ветки.

И я бы обязательно ему помог. Я бы точно его спас, если бы не одна деталь, на которую упал мой взгляд. Всего одно мгновение решило судьбу бедняги. По правую руку от него во мху лежал включённый фотоаппарат, на дисплее которого я сумел увидеть себя, закапывающего свежую могилу. Этот человек, кем бы он ни был, следил за мной. Я решил сразу же выяснить подробности. Положил лопату, опустился перед ним на колени и взял фотоаппарат.

– Кто ты и почему следишь за мной?

– Парень, помоги мне, и я отвечу на любые твои вопросы.

Я объяснил ему, что он сейчас не в том положении, чтобы торговаться со мной. Он быстро внял моим словам и сказал что он человек Ильи Романовича, Ювелира. Сказал, что сле-

дил за мной последнюю неделю. Ему приказали разузнать, откуда я беру такие камни и золотые самородки.

Он видел, как я убил человека, и если вернётся, то точно расскажет всё своему боссу, а это определённо сулило бы мне нескончаемые проблемы. Решение было принято. Он сразу понял, что помогать я ему не намерен и быстрым движением наотмашь ударил меня ножом. Я не успел среагировать и получил глубокий порез на правом бедре. Кровь, тёплой волной, заструилась по моей ноге. Отскочив в сторону, я схватил лук, висевший у меня за спиной, и выстрелил. Было такое ощущение, что мои выстрелы лишь злили его, мужик был физически крепок. Выстрелил не раз, и не два. Только после пятого выстрела, который пришёлся ему в глаз, он затих. И тут же корни, обвивавшие его, начали уходить обратно в землю.

Я, как мог, перевязал свою рану, забрал его нож и фотоаппарат, а его самого закопал на той же поляне. Взамен получил по-настоящему огромный золотой самородок, размером с ладонь. В ту ночь деревья защитили меня. Оставив в лесу тележку с лопатой, я отправился домой. Ночь была темна, как никогда до этого. Или это была самая обычная ночь, но тьма внутри меня делала её темнее.

Вот я и дошёл до текущего момента. Где я, весь в грязи и крови, сижу у себя на кухне и пишу эти строки. Мне было необходимо добраться до дома и всё это записать. Всё как есть, без изменений и прикрас.

Я до сих пор не понял, что со мной происходило всё это время. Это просто чертовщина какая-то. Может, это какие-то лесные духи, черти или ещё что. А может, один из способов продать свою душу. Кто мне ответит, как я во всё это так глубоко влез? Ну ничего, скоро я получу свои ответы.

Кажется, я как-то не так перевязал свою рану. В результате потерял – и продолжаю терять – много крови. Иногда мне даже трудно держать глаза открытыми, не то что записывать мои мысли. Так что буду краток.

Каждый раз, когда я хотя бы на мгновение закрываю глаза, я вижу ту яркую поляну с деревьями вокруг неё. Но теперь я отчётливо замечаю то, чего не видел раньше. Все деревья стоят приблизительно на равном расстоянии друг от друга, но в одном месте этот промежуток намного больше. У меня должно хватить сил дойти до поляны, а там будь что будет.

Возможно это место предназначено для меня.